

Великий
Гэтсби

Загадочная
история
Бенджамна
Баттона

Фрэнсис Скотт
Фицджеральд

Фрэнсис Скотт Фицджеральд

Великий Гэтсби

**Загадочная история
Бенджамина Баттона**

Культурный роман американского классика Ф. С. Фицджеральда «Великий Гэтсби» в новом великолепном переводе — зеркало эпохи американского общества того времени. Времени надежд, больших ожиданий, шального разгульного веселья и одновременно разочарований, краха иллюзий легковесного «века джаза».

«Загадочная история Бенджамина Баттона» — рассказ американского писателя Фрэнсиса Скотта Фицджеральда, часть антологии писателя «Рассказы о веке джаза».

В основе сюжета — фантастическая идея «жизни, повернутой вспять». Главный герой рождается стариком и в процессе жизни молодеет.

Но такая сумасшедшинка позволяет вскрыть необычные и нестандартные стороны человеческих отношений и раскрытия личности в необычайных обстоятельствах.

Оглавление

Великий Гэтсби

Глава 1

Глава 2

Глава 3

Глава 4

Глава 5

Глава 6

Глава 7

Глава 8

Глава 9

Загадочная история Бенджамина Баттона

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

Великий Гэтсби

Глава 1

В мои более молодые и более восприимчивые годы мой отец дал мне один совет, который у меня не выходит из головы с тех пор.

— Как только ты почувствуешь желание осудить кого-либо, — сказал он мне, — просто вспомни, что ни у кого в этом мире не было тех преимуществ, какие были у тебя.

Больше он ничего не сказал, но мы всегда были необычайно красноречивы в нашем немногословии, и я понял, что он имел в виду гораздо больше, чем сказал. Вследствие этого я склонен сдерживать все свои суждения, и эта привычка обрушила на меня откровенность многих странных душ, а также сделала жертвой немало количества профессиональных зануд. Человек, которому неведомы нормы приличий, быстро распознает и привязывается к этому качеству, когда оно проявляется в нормальном человеке, и поэтому случилось так, что в колледже меня несправедливо обвиняли в интриганстве, потому что я был посвящен в тайные горести каких-то совершенно случайных, незнакомых мне людей. Большинство этих откровений были непрошеными: часто я делал вид, что хочу спать, что занят или изображал отстраненное легкомыслие, когда определял по некоторому безошибочному признаку, что впереди меня ожидало очередное доверительное откровение, так как доверительные откровения молодых людей, или, по крайней мере, те слова и фразы, с помощью которых они открывают свои секреты, как правило, шаблонны и грешат очевидной недосказанностью. Быть сдержанным в суждениях — значит иметь бесконечную надежду. Я до сих пор еще боюсь упустить что-то из доверяемого моим ушам, если забываю, что, как

говорил мой отец-сноб, и я, как сноб, повторяю, чувство элементарных приличий выдается каждому при рождении неодинаково.

И вот, похваставшись таким образом своей терпимостью, я прихожу к допущению, что и она имеет свой предел. Поступки человека могут иметь железобетонные основания или тонуть в топких болотах, однако на каком-то этапе мне становится уже неинтересно знать, на чем они основаны. Когда я вернулся с Востока прошлой осенью, я готов был одеть весь мир во что-то типа нравственной униформы и дать ему неотменимую команду «смирно!»; я уже устал от всех этих необузданных экскурсий в человеческое сердце с эксклюзивным правом осмотра достопримечательностей. И только Гэтсби, — человек, именем которого названа эта книга, не вызывал во мне такой реакции; Гэтсби, который был олицетворением всего, к чему я испытывал искреннее презрение. Если личность представляет собой непрерывный ряд рассчитанных на внешний эффект и достигающих своей цели жестов, тогда в нем было что-то незаурядное, какая-то повышенная чувствительность к посулам жизни, будто он имел связь с одним из тех хитроумных устройств, которые регистрируют землетрясения на расстоянии десяти тысяч миль. Эта восприимчивость не имела ничего общего с той вялой впечатлительностью, которая удостоена названия «творческий темперамент»; это был необыкновенный дар способности к надежде, романтической готовности к успеху, какого я ни разу не встречал ни в одном человеке и, наверно, никогда уже не встречу. Нет, Гэтсби оказался достойным этого дара в конце; просто тот шлейф, который тянулся за Гэтсби, вся та грязная пыль, которую он поднял в воздух, идя за своими мечтами, — все это временно ликвидировало мой

интерес к бесплодным скорбям и мимолетным восторгам людей.

Мои близкие — известные состоятельные люди, третье поколение которых уже живет в этом городе на Среднем Западе. Семейство Каррауэй представляет собой нечто наподобие клана со своим преданием, которое гласит, что мы происходим от герцогов Бакклу, однако фактическим основателем моей родословной был брат моего деда, который прибыл сюда в пятьдесят первом, послал на Гражданскую Войну вместо себя заместителя и основал компанию по оптовой торговле скобяными изделиями «J», которую мой отец продолжает возглавлять сегодня.

Я ни разу не видел этого моего двоюродного деда, но я, надо полагать, был похож на него, особенно если посмотреть на портрет того довольно крутого парня, который висит в кабинете моего отца. Я окончил Нью Хэйвен в 1915-м, ровно через четверть века после моего отца, а спустя еще немного времени принял участие в том запоздалом тевтонском переселении, которое известно как Первая мировая война. Мне настолько понравилось ходить в контратаки, что, вернувшись домой, я почувствовал себя не в своей тарелке. Перестав быть уютным центром мира, Средний Запад теперь стал похож на потрепанный край вселенной, поэтому я решил отправиться на Восток, чтобы научиться торговле облигациями. Все, кого я знал, занимались торговлей облигациями, и я подумал, что это занятие вполне могло бы обеспечить еще одного холостяка. Все мои тети и дяди обсуждали между собой это так подробно, будто подбирали для меня пригласительную школу, и, наконец, дали свое «добро», сказав: «Ну что ж, пусть попробует, если ему хочется» с очень серьезными, полными скепсиса лицами. Отец согласился заплатить за один год моего обучения, и после отсрочек по самым разным поводам я

прибыл на Восток, как я думал, на постоянное жительство весной двадцать второго года.

Нужно еще было найти в городе комнаты, чтобы снять, но время года было теплое, и я совсем недавно прибыл из сельской местности с ее широкими газонами и ветвистыми деревьями, так что когда один молодой парень из офиса предложил мне снять дом на двоих в пригороде, эта идея мне показалась великолепной. Он нашел такой дом — потрепанный бунгало из гипсокартона за восемьдесят в месяц, но в последнюю минуту фирма откомандировала его в Вашингтон, и я отправился в пригород один. У меня были: пес — по крайней мере, несколько дней, пока не сбежал, — а также старенький «Додж» и одна финка, которая стирала мне постельное белье и готовила завтраки, а также бурчала себе под нос что-то по-фински, воркуя над электрической плитой.

Мое одиночество длилось примерно с день, может быть, чуть больше, до тех пор, пока однажды утром меня не остановил на дороге один человек, прибывший в эту местность немного позже меня.

— Как добраться до поселка Уэст-Эгг? — беспомощно спросил он.

Я объяснил ему. И с той минуты мой путь перестал быть одиноким. Я был уже проводником, кормчим, местным жителем. Он случайно дал мне ощутить всю удивительную привольность этой местности.

И, таким образом, сияющий солнечный свет и быстро распускающаяся, как в быстрой киноленте, листва на деревьях вернули мне то уже знакомое убеждение, что с наступлением лета жизнь начинается заново.

Первым делом мне нужно было очень много прочитать и очень много здоровья почерпнуть из этого вибрирующего юной жизнью, животворящего воздуха. Я купил с десятков книг по банковскому делу, кредиту и инвестиционным ценным бумагам, и они стояли у меня

на полке ровным рядом с красными корешками с позолотой, будто только что отпечатанные новые банкноты, обещающая раскрыть передо мной выдающиеся секреты, о которых знали только Мидас, Морган и Меценат. И у меня было твердое намерение прочесть еще много других книг помимо этих. В колледже я считался человеком с довольно незаурядными литературными способностями; однажды я написал серию банальных, отвечавших всем правилам жанра передовиц для «Новостей Йейля», и теперь собирался вернуть в свою жизнь все это и снова стать самым ограниченным из всех специалистов, то есть, «всесторонне образованным человеком». И это не только остроумие: жизнь на самом деле гораздо успешнее поддается описанию, если наблюдать за ней из одного окна.

По чистой случайности я снял дом в одном из самых необычных и странных населенных пунктов в Северной Америке. Он стоял на том узком и богатом растительностью острове, который простирается на восток от Нью-Йорка и который в числе прочих природных достопримечательностей имеет два выступающих участка суши необычной формы. На расстоянии двадцати миль от города пара огромных яйцеобразных кусков суши, одинаковых по форме и отделенных друг от друга всего лишь одной бухтой, которую можно считать условностью, выступает в самую внутреннюю часть океана в Западном полушарии, — в большую морскую помойку, какой является пролив Лонг-Айленд. Это не идеальные овалы, как у яйца в истории с Колумбом, — они оба сплющены со стороны контакта, — однако их физическая схожесть, должно быть, является причиной вечной путаницы для чаек, летающих над ними. Для бескрылых же более привлекательным феноменом является их несхожесть во всем, кроме формы и размеров.

Я жил на Уэст-Эгге — менее фешенебельном из двух этих яйцеобразных выступов, хотя слова «менее фешенебельный» — характеристика, весьма поверхностно передающая неестественный и достаточно зловещий контраст между ними. Мой дом стоял на самой вершине «яйца», всего в пятидесяти ярдах от берега Пролива, будучи зажат между двумя огромными поместьями, которые сдавались в аренду за двенадцать или даже пятнадцать тысяч за сезон. Поместье справа от меня было поистине колоссальным по всем меркам — это была настоящая копия какого-нибудь Hotel de Ville в Нормандии, с башней на одной стороне, сияющей новизной отделки из-под редкой свисающей бородки из плюща, и бассейном из мрамора, а также с газонами и садом на более чем сорока акрах земли. Это был особняк Гэтсби или же, поскольку я еще не знал мистера Гэтсби, особняк, в котором жил человек, носивший это имя. Дом, в котором жил я, был уродливым объектом, но это был очень маленький уродец, поэтому его просто не заметили, в результате чего я имел из своих окон вид на воду, частично на газон моего соседа и утешительное соседство с миллионерами, и все это за восемьдесят долларов в месяц.

По другую сторону условной бухты на водной глади вдоль берега блестили ослепительно белые дворцы фешенебельного Ист-Эгга, и история событий этого лета на самом деле берет начало с того вечера, когда я поехал туда, чтобы пообедать с семейством Тома Бьюкенена. Дэйзи была моей троюродной сестрой, а с Томом мы познакомились в колледже. И сразу после войны я провел с ними два дня в Чикаго.

Среди разнообразных физических достижений ее мужа выделялось одно: он был одним из самых сильных фланговых игроков, когда-либо игравших в футбол в Нью-Хэйвене, — в своем роде национальный герой,

один из тех, которые в свои двадцать с небольшим достигают такой высокой вершины успеха, что все последующие достижения отдают горьким привкусом разочарования. Семья его была непомерно богата, так что даже в колледже его часто отчитывали за слишком вольное обращение с деньгами; потом он вдруг взял и переехал из Чикаго на Восток, но если рассказать вам в подробностях, как он переехал, у вас захватит дух; например, он привез с собой из Лейк Фореста всех своих пони для конного поло. Трудно было представить себе, чтобы человек моего возраста мог быть настолько богат!

По какой причине они приехали Восток, я не знаю. Они поехали во Францию без какой-либо особой цели и прожили там год, после чего кочевали с места на место, останавливаясь ненадолго там, где собирались богатые люди и играли в игру для богатых — конное поло. Этот переезд был последним, как сказала мне Дэйзи по телефону, но я ей не поверил; я не мог проникнуть в сердце Дэйзи, но я чувствовал, что Том будет кочевать и дальше с некоторым сожалением и вечным стремлением внести в свою жизнь драматическую напряженность какого-нибудь матча из своего невозвратимого футбольного прошлого.

И вот однажды вечером, в теплую ветреную погоду, я сел в машину и отправился в Ист-Эгг, к двум старым друзьям, которых я почти даже не знал. Они жили в доме, который оказался даже еще более изысканным, чем я ожидал; это был особняк в георгианском колониальном стиле, выдержанный в веселых красно-белых тонах, с видом на бухту. Газон начинался у пляжа и тянулся на четверть мили в сторону передней двери, затем, перепрыгнув через солнечные часы и выложенные кирпичом аллеи, а также пылающие разноцветьем сады и добежав, наконец, до дома, продолжал взбираться вверх по его стене уже в виде

красивых виноградных лоз, будто по инерции от своего быстрого бега. Фасад был изрезан расположенными в ряд французскими окнами, пылающими в это время отраженным сиянием золота и открытыми настежь для теплого вечернего ветерка; на переднем крыльце, широко расставив ноги, стоял Том Бьюкенен в одежде для верховой езды.

Он изменился по сравнению с тем Томом, какого я знал в Нью-Хэйвене. Теперь передо мной стоял плотный мужчина тридцати лет с соломенного цвета волосами, немного выступающим подбородком и надменной манерой держать себя. Пара сверкающих высокомерных глаз прочно установила свое господство на его лице, придав ему агрессивный вид человека, постоянно наклоненного вперед. Даже женственный стиль его одежды не мог скрыть всей мощи его телосложения: ноги его, обутые в начищенные до блеска ботинки, распирала их так, что натягивались шнурки, и можно было видеть, как под тонким плащом играла огромная масса мышц, когда он двигал плечом. Это было тело, которое могло сдвигать горы; словом, варварски мощное тело.

Голос, каким он говорил — грубый, хриплый тенор, — усиливал впечатление человека раздражительного, которое он создавал своим внешним видом. В нем чувствовалась нотка патерналистского презрения, причем даже к тем, которые ему нравились, и в Нью-Хэйвене были те, которые его на дух не переносили.

«Не думайте, что мое слово всегда последнее, — казалось, говорил он, — только потому, что я сильнее и больше похож на мужчину, чем вы». Мы все были студентами старшего курса, и хотя мы никогда не были с ним близкими друзьями, у меня всегда было ощущение, что он относился ко мне положительно и хотел расположить меня к себе некоторым своим грубым, дерзким сожалением.

Несколько минут мы беседовали, стоя на залитом солнцем крыльце.

— Место у меня здесь замечательное, — сказал он, постоянно водя сверкающими глазами.

Развернув меня одной рукой, он провел широкой плоской ладонью вдоль открывающейся с крыльца великолепной панорамы, включив в нее утопающий в глубине итальянский сад, пол-акра темных колючих роз и моторную лодку с загнутым носом, которую волны били о причал.

— Это все принадлежало Демейну, нефтепромышленнику. — Затем он снова развернул меня, вежливо и резко. — Пошли в дом.

Мы прошли через прихожую с высоким потолком в некое пространство в ярко-розовых тонах, хрупко очерченное с обеих сторон и вписанное в ансамбль дома французскими окнами. Окна эти были приоткрыты и ослепительно белели на фоне ярко-зеленой травы, которая, казалось, пробралась даже немного внутрь дома. Морской ветер врывался в комнату, надувал шторы, будто бледные флаги, внутрь на одной стороне и наружу на другой, подбрасывал концы их к ступенчатому, похожему на свадебный торт матовому потолку и затем проносился над вишневым ковром, топорща на нем ворс и оставляя темный след, будто над морем.

Единственным совершенно неподвижным предметом в комнате был огромных размеров диван, на котором парили, как на привязанном аэростате, две молодые женщины. Обе они были в белом, и платья их играли мягкими складками и трепетали на них, будто они только что были занесены сюда ветром после короткого полета по дому. Я простоял, должно быть, какое-то совсем малое время, слушая это шуршание и щелканье штор, а также стон ветра за картиной на стене. Затем раздался стук: Том Бьюкенен закрыл окна во двор, и

ветер, пойманный в ловушку, замер в комнате, и шторы, ковры и две молодые женщины медленно опустились на пол.

Та из них, которая моложе, была мне незнакома. Она сидела, вытянувшись во весь рост, на своем конце кресла-дивана совершенно неподвижно, подбородок ее был приподнят, будто она удерживала на нем что-то, что постоянно грозило упасть. Если она и увидела меня краем глаза, то не подала ни малейшего намека на это, и я почти растерялся от неожиданности, пробормотав какие-то слова извинения за то, что потревожил ее, войдя в комнату.

Вторая девушка, Дэйзи, сделала попытку встать: она наклонилась немного вперед с сознанием собственного достоинства на лице, затем засмеялась каким-то абсурдным, очаровательным мелким смехом, и я также засмеялся и прошел на середину комнаты.

— Я какая-то п-парализованная от счастья!

Она снова засмеялась, будто сказала что-то очень остроумное, и задержала на мгновение мою руку в своей, подняв глаза и глядя мне прямо в лицо, чем уверяла, что никого в мире она не хотела так сильно увидеть, как меня. Такова была ее особенная манера. Шепотом она сообщила мне, что фамилия той качающейся девушки — Бейкер. (Я слышал от других, что шепотом Дэйзи говорит только для того, чтобы заставить слушателя пригнуться к ней, что я считаю несправедливой критикой, которая, однако, не делает ее менее очаровательной).

Во всяком случае, губы мисс Бейкер зашевелились, она кивнула едва заметно в мою сторону и затем быстро запрокинула голову: «предмет», который она, качаясь, удерживала в равновесии, очевидно, покачнулся, вызвав у нее что-то вроде испуга. И снова что-то похожее на извинение слетело с моих губ. Почти всякое

проявление полной самодостаточности вызывает у меня остолбенение.

Я оглянулся на свою кузину, которая начала задавать мне вопросы своим низким, вибрирующим голосом. Это был один из тех голосов, к которому ухо приковывается сразу и внимает, не отрываясь, до конца, будто каждая фраза представляет собой уникальное сочетание звуков, воспроизвести которое не удастся больше никогда. Лицо ее было печально и красиво, с яркими украшениями на нем, яркими глазами и яркими, страстными губами, однако в голосе ее было какое-то радостное возбуждение, почти незабываемое для мужчин, которым она нравилась, какая-то поющая убедительность; произносимое шепотом «Слушай!», уверяющее в том, что буквально сразу после уже рассказанного с ней еще происходили веселые и радостные события, и что в ближайший час будет еще рассказ о веселых и радостных событиях.

Я рассказал ей, что по пути на Восток я задержался на день в Чикаго и что с десятков человек передают ей через меня привет.

— Им меня не хватает? — в восторге воскликнула она.

— Пустой весь город. У всех машин левое заднее колесо покрашено в черный цвет в знак траура, а вдоль всей северной набережной постоянно воют сирены.

— Красота! Давай вернемся назад, Том. Завтра же! Потом она неожиданно добавила: — Ты должен увидеть девочку.

— Хотелось бы.

— Она сейчас спит. Ей три годика. — Неужели ты ее никогда не видел?

— Никогда!

— Ну, тогда тебе обязательно нужно ее увидеть. Она такая...

Том Бьюкенен, который все это время кружил по комнате, вдруг остановился и положил мне руку на плечо.

— Чем занимаешься, Ник?

— Продаю облигации.

— Чьи и кому?

Я сказал ему.

— Никогда не слышал о таких, — заметил он резко.

Это меня задело.

— Еще услышишь! — кратко ответил я. — Услышишь, если только останешься на Востоке.

— О, на Востоке я, конечно же, останусь: можешь не беспокоиться, — сказал он, посмотрев на Дэйзи и потом снова на меня, будто его тревожило что-то еще. — Я был бы полным идиотом, если бы выбрал для жизни любое другое место.

В этот момент мисс Бейкер произнесла «Точно!» настолько неожиданно, что я вздрогнул: это было первое слово, которое она произнесла с тех пор, как я вошел в комнату. Очевидно, это удивило ее саму не меньше, чем меня, так как она зевнула и, сделав несколько быстрых, ловких движений, оказалась в вертикальном положении посередине комнаты.

— У меня все уже онемело, — пожаловалась она. — Я пролежала на этом диване целую вечность.

— На меня даже не смотри, — отпарировала Дэйзи. — Я весь вечер пытаюсь вытащить тебя в Нью-Йорк.

— Нет, спасибо! — сказала мисс Бэйкер в сторону четырех коктейлей, только что внесенных в комнату из буфетной. — У меня сейчас сплошные тренировки.

Том посмотрел на нее с недоверием.

— О, да, конечно! Он опрокинул в себя коктейль, будто в стакане его было с каплю. — Как ты вообще добиваешься каких-то успехов с такими «тренировками», для меня загадка.

Я посмотрел на мисс Бейкер, гадая, в чем именно она «добивается успехов». Вид ее мне понравился. Это была стройная девушка с небольшой грудью, прямой осанкой, которую она еще больше подчеркивала, отводя плечи назад, как молодой кадет. Ее серые, прищуренные от солнца глаза тоже смотрели на меня с вежливым взаимным любопытством с бледного, очаровательного, недовольного лица. Мне вдруг пришла в голову мысль, что или ее, или ее фотографию я уже видел где-то раньше.

— Вы ведь живете в Уэст-Эгге, — заметила она презрительно. — Я кое-кого там знаю.

— Я не знаю там ни...

— Но вы не можете не знать Гэтсби.

— Гэтсби? — переспросила Дэйзи. — Какого Гэтсби?

Прежде, чем я успел ответить, что это был мой сосед, объявили обед; властно взяв меня под руку своей мускулистой рукой, Том Бьюкенен повел меня из комнаты, будто передвигал шашку из одной клетки на другую.

Стройной, томной походкой, едва касаясь руками бедер, две молодые женщины вышли, предваряя нас, на веранду, выдержанную в розовых тонах, из которой открывался вид на закат; там стоял стол, на котором мерцали огоньки четырех свечей на затихающем ветру.

— Зачем *свечи*??? — запротестовала Дэйзи, нахмурившись, и пальцами выдернула их. — Еще две недели, и наступит самый длинный день в году. — сказав это, она обвела нас всех сияющим взглядом. — А вы всегда ожидаете наступления самого длинного дня в году, а потом пропускаете его? Я вот всегда ожидаю самого длинного дня в году, а потом забываю и пропускаю его.

— Нам нужно что-то запланировать на этот день, — зевнув, сказала мисс Бейкер, садясь за стол так, будто ложилась в постель.

— Прекрасно! — сказала Дэйзи. — И что мы запланируем? Она повернулась ко мне беспомощно: — А что обычно планируют люди?

Прежде, чем я смог ответить, она с ужасом в глазах уже рассматривала свой мизинец.

— Смотрите! — жалобно сказала она, — Он до сих пор у меня болит.

Мы все посмотрели на ее палец: его костяшка была иссине-черная.

— Это все ты, Том, — сказала она осуждающе. — Я знаю, ты не хотел, но ты *сделал* это. Это мне расплата за то, что я вышла замуж за зверя, а не человека, за огромного, здоровенного сундука...

— Я не терплю это слово «сундук», — прервал Том сердито, — даже сказанное в шутку.

— Сундук! — настаивала Дэйзи.

Иногда они с мисс Бейкер говорили одновременно, ненавязчиво, ведя шутливую, легкомысленную беседу, которая никогда не превращалась в пустую болтовню и была такой же холодной, как и их белые платья и отчужденный взгляд, выдававший отсутствие всякого желания говорить. Они присутствовали среди нас и были благосклонны к нам с Томом, лишь из вежливости делая усилие над собой, чтобы казаться веселыми, шутить или реагировать на шутки. Они знали, что скоро этот обед закончится, а немного позже и этот вечер также закончится и будет легко забыт. Совсем не так было на Западе, где вечер убивали торопливо час за часом, пока он не подходил к концу, в постоянном разочаровании от того, что он затягивается, или же в нервном страхе от переживания самого этого момента.

— Ты заставляешь меня чувствовать себя нецивилизованным, Дэйзи, — признался я после второго бокала отдающего пробкой, но весьма неплохого бордо. — Разве ты не можешь поговорить об урожае, например, или еще о чем-то?

Я не имел в виду ничего особенного под этим замечанием, но оно было воспринято совершенно неожиданным для меня образом.

— Цивилизация сейчас трещит по всем швам, — вдруг воскликнул Том с напором. — Я стал страшным пессимистом относительно того, куда все идет. Ты читал «Подъем „цветных“ империй» этого молодца Годдарда?

— Н-нет, — ответил я, весьма удивленный его тоном.

— Прекрасная книга! Ее должен прочитать каждый. Ее главная мысль в том, что если мы не будем бдительными, белая раса будет... будет полностью подчинена. Это все научные выводы; они доказаны.

— Том становится очень заумным, — сказала Дэйзи с выражением недумающей грусти. — Он читает заумные книги, в которых много длинных слов. Каким было то слово, которое мы...

— Эти книги все научные, — настаивал Том, глядя на нее с нетерпением. — Автор проработал всю эту тему. Мы, относящиеся к доминирующей расе, должны проявлять бдительность, иначе другие расы захватят контроль над всем.

— Мы должны их подавить, — прошептала Дэйзи, свирепо щурясь в сторону жаркого солнца.

— Вы, должно быть, жили в Калифорнии... — начала мисс Бейкер, но Том прервал ее, тяжело отодвинувшись в своем кресле.

— Взять хотя бы эту идею о том, что мы все — представители нордической расы: и я, и ты, и ты, и... — после бесконечно короткого, но показавшегося целой вечностью колебания он включил в это перечисление и Дэйзи легким кивком головы, и она снова подмигнула мне. — И мы же создали все то, без чего цивилизации не бывает: науку, искусство и все такое прочее. Улавливаешь суть?

Какая-то нотка грусти была в этой его серьезности, будто его удовлетворенности собой, еще более остро ощущаемой, чем в давние времена, ему уже было недостаточно. Когда почти сразу после этой его фразы раздался телефонный звонок, и дворецкий вышел из веранды, Дэйзи мгновенно воспользовалась этой краткой паузой и наклонилась ко мне.

— Я расскажу тебе одну семейную тайну, — прошептала она с энтузиазмом. — О носе дворецкого. Ты хочешь услышать тайну о носе дворецкого?

— Именно для этого я и пришел сюда вечером.

— Ну так вот, он не всегда был дворецким; раньше он был чистильщиком серебра у одних людей в Нью-Йорке, у которых был серебряный сервиз на двести персон. Он чистил его с утра до ночи, пока от этого у него не начались проблемы с носом...

— Дела с носом становились все хуже и хуже, — предположила мисс Бейкер.

— Да. Состояние его носа становилось все хуже и хуже, так что в конце концов он вынужден был оставить свою должность.

На какое-то мгновение последние лучи солнца с романтической нежностью озарили ее сияющее лицо; голос ее был таким, что, слушая ее, я поневоле затаил дыхание и нагнулся вперед; затем сияние стало исчезать с ее лица, неохотно и с долгим сожалением покидая его своими лучами, подобно тому, как дети покидают улицу в наступающих сумерках.

Вернулся дворецкий и прошептал что-то Тому на ухо, после чего Том нахмурился, отодвинул кресло и, не говоря ни слова, вошел в дом. В тот же миг Дэйзи пригнулась ко мне снова, будто его отсутствие оживило что-то внутри нее; голос ее звучал радостно и нараспев.

— Я так рада видеть тебя за моим столом, Ник! Ты напоминаешь мне... да, розу, настоящую розу! Разве я

не права? — она повернулась к мисс Бейкер за подтверждением. — Разве он не похож на розу?

Это была неправда. Я даже и близко не похож на розу. Это была всего лишь импровизация с ее стороны, но какая-то волнующая теплота исходила от нее, будто сердце ее пыталось прорваться к вам, спрятавшись в одном из этих волнующих, произносимых с придыханием слов. Затем она вдруг бросила свою салфетку на стол и, извинившись, пошла в дом.

Мы с мисс Бейкер обменялись краткими взглядами, сознательно лишенными значения. Я уже открыл рот, чтобы начать говорить, когда она, насторожившись, выпрямилась на стуле и предостерегающе зашипела. Приглушенный страстный шепот доходил к нам из-за двери, и мисс Бейкер, нимало не стесняясь, наклонилась вперед, пытаюсь разобрать слова. Шепот этот сначала дрожал на грани еле слышимого, потом затих, потом резко усилился до возбужденного и затем полностью исчез.

— Этот мистер Гэтсби, о котором вы говорили, — мой сосед, — сказал я.

— Давайте помолчим. Я хочу слышать, что там происходит.

— А что, что-то происходит? — спросил я невинно.

— Вы хотите сказать, что вы не в курсе? — сказала мисс Бейкер, искренне удивившись. — Я думала, все уже знают.

— Я — нет.

— Ну как же..., — произнесла она нерешительно. — У Тома есть одна женщина в Нью-Йорке.

— Женщина? — повторил я безучастно.

Мисс Бейкер кивнула.

— Она могла хотя бы из чувства приличия не звонить ему во время обеда. Вы так не считаете?

Прежде, чем до меня дошел смысл ее слов, послышался шелест платья и хруст кожаных ботинок,

и Том с Дэйзи уже снова были за столом.

— Было просто невозможно усидеть на месте! — воскликнула Дэйзи с натянутой веселостью.

Она села, посмотрела испытующим взглядом сначала на мисс Бейкер, потом на меня, и продолжила: — Я вышла на воздух на минутку, и там так романтично, на воздухе! На газоне сидит какая-то птичка — я думаю, соловей, добравшийся сюда на пароходе Кьюнарда или «Уайт Стар Лайн». Он так красиво поет... — И далее нараспев: — Это та-а-к романтично, не правла ли, Том?

— Очень романтично, — ответил он ей, и затем скорбным голосом произнес в мою сторону: — Если еще будет светло после обеда, я хочу показать тебе конюшни.

В доме пугающе зазвонил телефон, и по тому, как решительно Дэйзи замахала головой Тому, я понял, что тема конюшен отпала сама собой, как, впрочем, и все остальные темы. Из отдельных фрагментов последних пяти минут, проведенных за столом, я помню только то, что были зачем-то снова зажжены свечи, и то, как я хотел заглянуть прямо в глаза всем и избежать при этом их взглядов. Я не мог сказать, о чем в тот момент думали Том и Дэйзи, но я сомневаюсь, чтобы даже мисс Бейкер, которая, похоже, уже выработала в себе определенный невозмутимый скепсис, смогла полностью стереть впечатление от пронзительного металлического настойчивого звона этого пятого гостя. Возможно, кому-то эта ситуация и показалась бы интригующей; моим же инстинктивным порывом было немедленно позвонить в полицию.

О лошадях, понятно, уже не могло быть и речи. Том и мисс Бейкер, держа в сумерках дистанцию в несколько футов друг от друга, проследовали обратно в библиотеку, будто для дежурства у постели какого-то вполне реального тела, тогда как я, пытаюсь выглядеть приятно заинтересованным и немного глуховатым,

проследовал за Дэйзи по цепи соединяющих отдельные части дома веранд к переднему крыльцу. В его темном мраке мы сели друг возле друга на плетеном канаве.

Дэйзи обхватила лицо руками с двух сторон, будто ощупывая его красивые очертания, постепенно всматриваясь в густые сумерки. Я видел, что в ней бушевала буря чувств, поэтому я задал ей несколько, как мне казалось, успокоительных вопросов о ее маленькой девочке.

— Мы ведь совершенно не знаем друг друга, Ник, — неожиданно произнесла она, — даже несмотря на то, что мы кузены. Ты не пришел на мою свадьбу.

— Я тогда еще не вернулся с войны.

— Ах, да. — Она замолчала. — Мне сейчас очень тяжело на душе, Ник, и я очень цинично отношусь ко всему.

Очевидно, она имела хорошую причину быть циником. Я молчал, ожидая, что она скажет что-то еще, но, не дождавшись, довольно осторожно вернулся к теме ее дочери.

— Я так думаю, что она уже хорошо говорит, а также ест... ну, и все прочее.

— О, да, конечно. — Она посмотрела на меня отсутствующим взглядом. — Послушай, Ник; хочешь, я тебе сейчас скажу, какие я произнесла слова, когда она только родилась? Хочешь узнать?

— Очень даже!

— Из этого ты поймешь, каким образом у меня сложилось такое отношение к... вообще ко всему. Это было, когда ей не было еще и часа после родов, а Том был в это время бог знает где. Я пришла в себя после эфира с чувством полной оставленности и сразу же спросила медсестру, мальчик родился или девочка. Она сказала мне, что девочка, и как только я это услышала, я отвернулась к стенке и заплакала. — Что ж, — сказала я, — я рада, что девочка. И я надеюсь, что она будет

дурой — это лучшее, кем может быть девушка в этом мире: милой маленькой дурочкой.

— Дело в том, что я считаю, что все в этом мире ужасно так или иначе, — продолжала она убежденно. — И так считают все, даже самые передовые люди. А я это *знаю*. Я побывала везде, видела все и прошла через все. Глаза ее вызывающе сверкали во тьме, в точности, как у Тома, и она засмеялась нервным, презрительным смехом. — Это жизненный опыт! Боже, это же настоящий жизненный опыт!

Как только ее голос умолк, перестав приковывать к себе мое внимание, мое доверие, в тот же миг я почувствовал принципиальную неискренность во всем том, что она говорила. Я почувствовал себя неловко, будто весь этот вечер был неким трюком, специально разыгранным для того, чтобы вызвать во мне чувство участия. Я выжидательно молчал, и через мгновение мои догадки получили подтверждение: она уже смотрела на меня с самодовольной улыбкой на своем миловидном лице, будто только что доказала свое право на членство в некоем весьма утонченном тайном обществе, к которому они с Томом принадлежали.

В доме выдержанная в темно-красных тонах комната сияла, залитая светом. Том с мисс Бейкер сидели на разных концах длинного дивана; она читала ему вслух из «Сэтердэй Ивнинг Пост»: слова, произносимые монотонно и без интонации, сливаясь, журчали успокоительным потоком. Свет от лампы, ярко отражаясь от его ботинок и тускло — от ее желтых, как осенние листья, волос, скользил по газете, когда она переворачивала страницу, трепетавшую в ее тонких руках.

Когда мы вошли, она на мгновение подняла руку, дав нам знак помолчать.

— Продолжение читайте, — сказала она, швырнув журнал на стол, — в нашем ближайшем номере.